

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч.Э. АХРИЕВА»**

**«ЯЗЫК, ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА
КАК ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА»**

**(к 120-летию со дня рождения ученого-кавказоведа,
писателя, переводчика Д.Д. Мальсагова)**

Материалы Международной научно-практической конференции

г. Магас, 30-31 октября 2018 г.

УДК 93/94/908
ББК 63.8
Я41

Утверждено к печати Ученым советом
ГБУ «ИнгНИИ»

Ответственные редакторы:

Киева З.Х., Матиев М.А.

Редактор:

Накостоев Х.А.

Редакционная коллегия:

Илиева Ф.М., Костоева Ф.М., Хайрова Р.Р.

Я41 **Язык, история, литература как факторы устойчивого развития общества**
(к 120-летию со дня рождения ученого-кавказоведа, писателя, переводчика Д.Д. Мальсагова): Материалы Международной научно-практической конференции. Магас, 6 - 7 ноября 2018 г. – Назрань: ООО «Кеп», 2018. – 120 с.

ISBN 978-5-4482-0035-9

Сборник составлен по материалам, представленным к Международной научно-практической конференции «Язык, история, литература как факторы устойчивого развития общества (к 120-летию со дня рождения ученого-кавказоведа, писателя, переводчика Д.Д. Мальсагова)». Авторы рассматривают широкий круг вопросов, связанных с изучением языка, истории, культуры и этнографии ингушей, а также других народов Кавказа.

Сборник предназначен для научных работников, занимающихся исследованиями в области лингвистики, истории, литературы, для аспирантов, студентов и широкого круга читателей.

УДК 93/94/908
ББК 63.8

ISBN 978-5-4482-0035-9

© ИнгНИИ им. Ч. Э. Ахриева, 2018.

Матиев Магомедбашир Адамович, к. филол. наук
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

Д.Д. МАЛЬСАГОВ И ИНГУШСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Аннотация. В статье говорится о творчестве Д.Д. Мальсагова как фольклориста. Он был одним из тех, кто стоял у истоков зарождения ингушской фольклористики, внес неоценимый вклад в дело записи, популяризации и изучения ингушского фольклора.

Ключевые слова: Дошлуко Мальсагов, ингушский фольклор, нартский эпос, Арамхи, ингушские песни, переводчик.

Дошлуко Дохович Мальсагов (1898-1966) был, как известно, выдающимся лингвистом, литературоведом, педагогом, поэтом и драматургом. Менее известен профессор Д.Д. Мальсагов как фольклорист. Между тем он был одним из тех, кто стоял у истоков зарождения ингушской фольклористики, внес неоценимый вклад в дело записи, популяризации и изучения ингушского фольклора.

Д.Д. Мальсагов родился в селе Гамурзиево в семье прапорщика русской армии, ветерана русско-турецкой войны 1877-1878 г. Данный факт помог ему, как сыну ветерана, получить образование в царской России. В 1918-1920 г. он принимает активное участие в Гражданской войне, дважды (под Долаково и Насыр-Кортом) был ранен. Научной деятельностью Д. Мальсагов начал заниматься, еще будучи студентом. После окончания Северо-Кавказского (Горского) государственного педагогического института (г. Владикавказ) был оставлен там же ассистентом кафедры языкознания, работал ученым секретарем Ингушского НИИ краеведения во Владикавказе. Преподавал он не только во Владикавказе, но и в вузах Ростова-на-Дону, Грозного и Фрунзе.

За монографию «Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка» ему в Институте востоковедения АН СССР была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. В дальнейшем он становится первым профессором из числа ингушей.

В тридцатых годах во Владикавказе и Ростове-на-Дону выходит ряд работ Д.Д. Мальсагова, посвященных ингушскому фольклору. Некоторые из них давно стали библиографической редкостью и, к сожалению, недоступны или труднодоступны для современных исследователей.

В названной выше монографии автор приводит ряд важных выводов и предложений, касающихся проблемы записи и изучения ингушского

фольклора. Они, как справедливо пишет Д.Д. Мальсагов, должны помочь, в том числе, и в изучении ингушского языка. Интересно анализирует автор, в частности, вопрос о причинах и условиях деградации жанра героико-эпических песен.

Анализируя в статье «Ингушская литература» [1] творчество Т.Д. Бекова, Х.-Б. Муталиева, С.И. Озиева, Х.С. Осмиева и других ингушских писателей, Д.Мальсагов призывает их шире использовать в своем творчестве достижения ингушского фольклора. «Изучение языка, стиля, формы народной словесности, – пишет он, – поможет ингушской письменной литературе в овладении родным языком и создании высших форм литературного творчества... Узнать, что поют и какие запросы к словесности имеют трудящиеся и на основе этого знания дать им такие художественные произведения ... (которые будут им – М.М.) понятны и близки... – это задача сегодняшнего дня ингушской литературы» [1, с. 101]. При этом автор ставит в пример начинающим писателям и поэтам Тембота Бекова, который, по его словам, избрал в своем творчестве форму народного стиха и избежал этим «ошибки многих поэтов, старающихся втянуть свой стих в ямбы, хореи, анапесты, вообще в формы тонического стихосложения, несвойственного ингушскому языку» [Там же]. Призывая ингушских писателей и поэтов «учиться у устной народной словесности», Д. Мальсагов приводит примеры того, как творчески использовали достижения фольклора известные русские писатели, включая А.С. Пушкина. Далее он пишет: «Собственно, за примерами не надо было ходить в русскую литературу. Стоит сравнить только творчество Бекова с творчеством остальных наших поэтов. Стихи Бекова в ингушской литературе не выделяются ни строгим размером, ни богатством рифмы, ни интересной фабулой. Наоборот, они в этом иногда даже уступают стихам других авторов. И, несмотря на это, стихотворные произведения Бекова пользуются

большой популярностью и охотно заучиваются наизусть в наших школах. Это объясняется тем, что они приближаются к стихам устной народной словесности, приближаются к национальной форме... Творчество Бекова показывает, как много оно выигрывает при попытке использовать возможности устной поэзии. Поистине нашим поэтам есть чему поучиться у фольклора. Каринность описания, меткая обрисовка характеров, смелые эпитеты и метафоры и, наконец, богатство мысли при сжатости изложения – особенности стихов ингушской устной поэзии» [Там же].

В подтверждение своих слов Д. Мальсагов приводит ряд примеров, в которых «слышится сильное влияние образного языка народной словесности», в том числе и отрывок из ставшего хрестоматийным стихотворения Тембота Бекова «Две эпохи» [2]:

Если нет на небе туч,
Не пойти дождю.
Если сердце без тоски,
Не заплачет глаз.

Будучи прекрасным знатоком ингушского языка и фольклора, Д. Мальсагов убедительно опровергает вывод Н. Яковлева об исчезновении в Ингушетии ингушских песен и замене их чеченскими. «Последнему утверждению противоречат печатаемые Ингушским научно-исследовательским институтом ингушские песни, собранные Измайловым», – пишет Дошлуко Дохович в статье «О едином чечено-ингушском литературном языке» [3]. Более того, говоря об институте исполнителей ингушских героико-эпических песен, Д. Мальсагов отмечает, что был целый род Бисыркоевых, славившийся как прекрасные исполнители музыки и песен [4]. Справедливости ради следует отметить, что к приведенному выше неверному выводу Н.Ф. Яковлева, ученого, стремившегося быть объективным и честным, могла подтолкнуть ничем не оправданная «мода» некоторых исполнителей использовать в ингушских песнях обильное количество чеченизмов.

Некоторые положения и выводы, сделанные Д. Мальсаговым в тридцатых годах прошлого века, остаются и сегодня более чем актуальными. В статье «К постановке изучения чечено-ингушского фольклора» [5] он пишет: «В настоящее время перед всей ингушской общественностью стоит актуальная задача – развитие ингушского языка – языка, в основном сложившегося в эпоху дородового и родового строя и поэтому не отвечающего тем колоссальным запросам, которые предъявляют к нему классовые интересы трудящихся в эпоху построения социализма. Коротко

говоря, задача сводится к созданию литературного языка... Литературный язык должен быть воспринимаемым, понятным, родным для трудящихся». Далее автор приходит к замечательному выводу, который при всей своей очевидности сплошь и рядом игнорируется, причем – не только в Ингушетии, но и, кажется, во всем мире: «Если же нужно изучать и развивать язык, то как можно при этом проходить мимо фольклора, т.е. суммы языковых богатств, накопленных устным народным творчеством во всей его истории? Ведь фольклор есть все, что имеется наиболее красочного, картинного и богатого в языке. Фольклор – поэзия и проза народного языка. И, конечно, тот, кто захочет овладеть языком, понять его богатство и структуру, все законы, все особенности его, должен изучить фольклор» [5, с. 60].

Как верно указывает Д. Мальсагов, для нас фольклор имеет большое значение не только в деле изучения ингушского языка и создания ингушской литературы, его знание необходимо и при изучении истории Ингушетии. Кроме того, он и сам по себе имеет большую художественную ценность. «Фольклор, – отмечает Д. Мальсагов, – часто сохраняет в себе те пережитки в языке, которых уже в разговорном языке не существует. В еще неопубликованных записях Измайлова (имеется в виду Дзарахмет Измайлов, записавший в двадцатых годах прошлого века ряд ингушских народных песен; позже они были опубликованы в сборниках ингушского фольклора (см.: «Вайнаьха багахбувцам», Владикавказ, 1932 и др. издания) есть целый ряд оборотов и слов, совершенно необъяснимых на основе данных современной разговорной речи ингушей. А если мы ознакомимся с детскими считалками, то они, с точки зрения современного ингушского разговорного языка, являются бессмысленными, хотя достоверно известно, что в основе их лежит определенный смысл» [5, с. 60].

Это, конечно, не значит, что мы должны замыкаться в родовой башне и «своем» фольклоре, наоборот, автор статьи предостерегает от этого, призывает «заимствовать достижения передовых народов». Он пишет также о необходимости изучения фольклора других народов: «Для истории бесписьменных народов... язык народа и его фольклор являются часто главным источником освещения его прошлого... Произведения фольклора могут пролить яркий свет на различные моменты истории. Сопоставляя произведения устного народного творчества чеченцев и ингушей с творчеством других народов, устанавливая между ними связь, прослеживая пути и этапы

распространения «странствующих сюжетов», мы можем выяснить очень многое из неизвестного прошлого» [9].

В двадцатых – тридцатых годах прошлого века остро стоял вопрос написания учебников для ингушских школ. Авторы таких учебников подчас пренебрежительно относились к произведениям фольклора. «Нашим авторам, – пишет по этому поводу Д. Мальсагов, – не приходит в голову обратиться к фольклору, хотя в нем они могли бы найти доступный детям материал из эпохи гражданской войны ... и т.д. Наконец, фольклор даст целый ряд рассказов про животных, рассказов интересных и поучительных для советских школьников» [Там же].

Один из главных выводов этой статьи сводится к тому, что всю работу по фольклору нужно проводить планомерно, вовлекая в нее всю общественность в первую очередь деревенскую интеллигенцию.

Интересно, что уже в то время автор обращает внимание на необходимость научного изучения ингушского нартского эпоса, который, по его мнению, должен стать в ряду с «величайшими памятниками человеческого гения» [5, с. 62]. Как известно, вопрос о нартском эпосе среди кавказских фольклористов до сих пор считается одним из наиболее сложных. Д. Мальсагов не только сам интересовался этой проблемой, но и всячески помогал молодым исследователям этого жанра. В письме к Ахмету Мальсагову, в то время – начинающему ученому, он пишет, что ингушские нартские сказания когда-то пелись. «... Это типические произведения, когда-то имевшие ритмический строй; их пели и рассказывали. Сказание о Колой Канте, сказание о Кинда Шоа, о Хьамсара Альбике имели ритмический строй, они пелись, а не рассказывались. Как это доказать?

1. Содержание их сложное, а не простое, как у сказок. В них много устойчивых выражений, эпитетов, сравнений и т.п. изобразительных средств, свойственных ритмическим сказаниям.

2. Упрощение строя, утрата многих поэтических особенностей, утрата ритма естественны, наблюдаются и сегодня, если ритмическое произведение не поется, а рассказывается, то оно становится сказкой, героическим преданием или чем-либо в этом роде» [6, с. 403]. Проблема, как известно, остается актуальной до сих пор.

В тридцатых годах большой резонанс, причем не только в Ингушетии, вызвал роман Льва Пасынкова «Тайпа». Роман этот, в котором ингушский народ поливался грязью, переиздавался несколько раз многотысячными тиражами в

центральных издательствах. Это произведение, по словам Д. Мальсагова, вызвало «страстный протест со стороны общественности того народа, к которому оно относится» [7, с. 40]. Особое возмущение вызывал тот факт, что в центральной печати («Литературная газета» от 5-го января 1934 года, «Правда» от 5-го мая 1935 года и др.) появилось несколько положительных отзывов на этот грязный пасквиль. На его основе даже собирались снять художественный фильм.

Д. Мальсагов, приводя массу примеров из жизни и фольклора ингушей, подверг книгу Л. Пасынкова жесточайшей критике. Первой ошибкой автора этого романа Д. Мальсагов называет то, что «в его «Тайпе» нет тайпы». Другими словами, Л. Пасынков написал книгу якобы об особенностях ингушского клана (рода, фамилии), не имея представления о том, что же такое ингушский клан. В связи с этим Д. Мальсагов подробно, доходчиво, со знанием дела объясняет русскоязычному читателю, что такое ингушский тайп, род, клан, фамилия.

Один из героев романа Атигов имеет огромные виноградные плантации в Арамхинском ущелье, что уже, мягко говоря, неправдоподобно. Кроме того, он является жестоким помещиком, который делает со своими слугами, т. е. представителями других ингушских тайпов все, что ему заблагорассудится. Вот как ведет себя один из слуг: «... Слуга Цогол ползает у ног господина, он говорит ему: «Я собака, твоя собака, собаку пинают, когда сердятся на господина». Атигов вызывает к себе другого ингуша и приказывает ему отдать в нукеры своего сына.

Другая героиня романа, Амина, «... родилась в конюшне, таков обычай этой страны». Автор где-то выискал «женскую половину кладбища». Человеку, мало-мальски знакомому с ингушами и Ингушетией, трудно не только комментировать, но даже читать всю эту несурязицу. «Таких бессмысленностей, – пишет Д. Мальсагов, – в романе Л. Пасынкова так много, что для перечисления их пришлось бы выписать, по крайней мере, одну треть романа. Все же считаем нужным указать, что Амина не могла быть ни змеиного, ни оленьего рода, потому что, вопреки утверждению Пасынкова, ни один ингушский род не ведет свое происхождение от змей, шакалов, оленей и прочих животных...» [6, с. 43].

Автор романа выводит ингушей, людей, создавших неповторимую башенную культуру, ленивыми дикарями. «Это тех тружеников, – пишет в связи с этим Д. Мальсагов, которые обрабатывали каждый кусочек земли и которые еще в недалеком

прошлом только благодаря каторжному труду не вымерли с голоду» [Там же].

Не нужно быть большим знатоком нашего края, чтобы не возмутиться другой грубой ошибкой Л. Пасынкова – о положении горянки. Его героини то вовсе не считаются с мнением мужа, то являются в его руках бессловесным товаром. «Но беда в том, что ничего подобного в Ингушетии произойти не могло! ...Прямой купли и продажи женщины в Ингушетии не происходило. Если за Атигова выдали бы девушку даже из самого заурядого рода, ему никогда не простили бы не только убийства ее, но и даже увечья. Несмотря на бесправие женщины, присутствовавшие на базаре посторонние люди никогда не позволили бы обидеть Амину или старуху, как это выведено в романе, – говорит Д. Мальсагов о положении ингушской женщины, – ...для посторонних она (женщина) священна, посторонний никак не мог безнаказанно обидеть ее» [Там же]. Горянка была, конечно, бесправной, но автор романа не заметил особенностей, своеобразия этого бесправия.

Самым большим дефектом романа «Тайпа» Д. Мальсагов совершенно справедливо называет неверное изображение участия ингушского народа в Гражданской войне. По Пасынкову выходит, что ингуши поголовно воевали против советской власти. В действительности же, и это признают не только друзья ингушского народа, но и его недруги, ингушские партизаны сыграли решающую роль в деле установления советской власти на всем Северном Кавказе. В статье Д. Мальсагова приводятся убедительные доказательства этого.

Был подвергнут критике и псевдофольклорный материал, приведенный в книге Л. Пасынкова [8]. Для такого прекрасного знатока ингушского фольклора как Д. Мальсагов не составило особого труда доказать, что приведенные в романе песни невозможны в Ингушетии «ни по форме, ни по содержанию».

Статья «О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве» [9] является одной из самых известных работ Д. Мальсагова. Она получила высокую оценку известных советских ученых, включая академика Д. Лихачева, профессора Л. Булаховского и других. Подчеркнем, что именно прекрасное знание ингушского языка и фольклора позволило Д. Мальсагову сделать ряд научных открытий, связанных со «Словом...». Для иллюстрации этой мысли ограничимся одним примером, возможно, и не самым удачным. «Расшифровывая» одно из непонятых слов, а именно – женское имя Хоти, автор убедительно доказывает, что оно является ингушским по про-

исхождению и переводится как «посвященная» или «суженая». Он пишет, что до середины 19-го века ингуши посвящали покойнику жену и коня, которые, по поверьям, должны принадлежать ему на том свете. «...Будет принадлежать покойному и женщина, если даже она и выйдет еще раз замуж за другого, – пишет Д. Мальсагов, – ...Однажды к Хамбору за советом обратился один ингуш. Он должен был разделить с двумя братьями; все братья были женаты, но он – старший брат – взял жену покойного самого старшего брата, и его женитьба не вызвала никаких расходов, женитьба же младших братьев обошлась очень дорого. При делении общего имущества младшие братья не захотели учесть расходы на свои свадьбы, ссылаясь на то, что все три брата женаты и нечего считать убытки на женитьбы.

Хамбор ответил так: «Скажи своим братьям: мы все умрем. Ручаетесь ли вы, что на том свете наш старший брат не отберет у меня свою жену, ведь она его хоти (цунна хетая)? Вы, все братья, на том свете будете с женами и только один я – без жены».

Младшие братья, услышав такое рассуждение, согласились выделить старшему брату средства на женитьбу, чтобы он на том свете не остался холостым» [9, с. 115].

Поэма Д. Мальсагова «Арамхи», давно вошедшая в школьные учебники по ингушской литературе, написана на фольклорной основе. Прекрасно владея обоими языками, русским и ингушским, он был замечательным переводчиком. Им переведены на ингушский язык произведения М. Горького, И. Крылова, М. Лермонтова, Н. Гоголя и других русских и советских писателей. На высоком уровне переведены им на русский язык и ингушские народные песни, записанные Д. Измайловым. Во всех его переводах чувствуется фольклорный «дух», фольклорный язык, прививается любовь к народному языку. Много и со знанием дела записывал Д. Мальсагов и сами фольклорные произведения, большинство которых также вошло в школьные учебники и с удовольствием заучивается детворой.

Приведенные выше примеры показывают, что Д. Мальсагов был прекрасным знатоком ингушского языка, фольклора, культуры и истории. Это помогло ему стать выдающимся ингушским фольклористом, лингвистом, поэтом и переводчиком. Трудно переоценить роль и значение того огромного вклада, который внес Дошлуко Дохович Мальсагов в развитие ингушеведения, в том числе и в развитие ингушской фольклористики.

Список литературы

1. Мальсагов Д.Д. Ингушская литература // Журнал «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1933, №1-2. С. 97-103.
 2. Беков Т. Избранное (на инг. яз.). Грозный, 1973. С. 17.
 3. Мальсагов Д.Д. О едином чечено-ингушском литературном языке // Журнал «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1933, №5 (56). С. 32-38.
 4. Мальсагов Д.Д. Современное состояние искусства в Ингушетии // Журнал «Революция и горец», №2-3, Ростов-на-Дону, 1932. С. 100.
 5. Мальсагов Д.Д. К постановке изучения чечено-ингушского фольклора // Журнал «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1933, №5(56). С. 58-64.
 6. Мальсагов Д.Д. Избранное. Нальчик. 1998. 502 с.
 7. Мальсагов Д.Д. Этнография ингушей в романе Л. Пасынкова «Тайпа» // Дошлуко Дохович Мальсагов «Избранное», Нальчик, 1998. С. 40-45.
 8. Мальсагов Д.Д. Пасынкова «Тайпа» яхача романах// «ЦӀе сийгаш» яха гӀалгӀай говзамеча йозоний сборник. Орджоникидзе, 1931 С. 75-77. Цит.: Дошлуко Дохович Мальсагов. Избранное, Нальчик, 1998. С. 214.
 9. Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИ-ИИЯЛ, Грозный, 1959. Т. 1, вып. 2.
-
-